

Сердюк Мария Борисовна

доктор исторических наук, профессор кафедры
культурологии и искусствоведения
Школы искусства, культуры и спорта
Дальневосточного федерального университета

Serdyuk Maria Borisovna

D.Phil. in History, Professor,
Department of Culture and Art Studies,
School of Arts, Culture and Sports,
Far Eastern Federal University

Бондаренко Елена Юрьевна

доктор исторических наук, научный сотрудник
Дальневосточного федерального университета

Bondarenko Elena Yuryevna

D.Phil. in History, Research Fellow,
Far Eastern Federal University

ВЕРУЮЩИЕ КОММУНИСТЫ И КОМСОМОЛЬЦЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

BELIEVERS AMONG COMMUNISTS AND KOMSOMOL MEMBERS OF THE POST-WAR DECADE (BY A CASE STUDY OF THE SOVIET FAR EAST)

Аннотация:

Предмет исследования в статье – религиозная составляющая жизни части коммунистов и комсомольцев, исповедовавших религию или лояльно к ней относившихся в 1945–1950-е гг. По своему положению в обществе, как члены организаций с атеистической идеологией, они должны были бороться с религией, религиозными пережитками. Но на деле они помогали восстанавливаемым в этот период конфессиональным организациям, своим верующим родственникам или сами принимали участие в культовой практике дальневосточных религиозных общин. На основе документальных источников собраны и описаны случаи участия коммунистов и комсомольцев в деятельности религиозных организаций на советском Дальнем Востоке в 1945–1950-е гг., охарактеризованы меры, принимаемые партийными и комсомольскими организациями при выявлении таких случаев. Показано, что советское общество не было подлинно атеистическим или «безбожным»: даже среди представителей партийной и советской номенклатуры были верующие или сочувствующие религии. Сделана попытка понять причины совмещения различных мировоззрений членами ВКП(б) и ВЛКСМ в конкретных условиях военного и послевоенного времени.

Ключевые слова:

советский Дальний Восток, коммунисты, комсомольцы, верующие, религия, религиозные организации, конфессиональная жизнь, Русская православная церковь, иудаизм, баптизм.

Summary:

The study reviewed the religious component in the life of Communists and Komsomol members practiced the religion or remained loyal to it in 1945–1950. Being the members of organizations following an atheistic ideology, they had to fight against religion and religious remnants. However, in fact, they helped the recoverable religious organizations, their believing relatives and took part in the religious practice of Far Eastern religious communities. Based on documents, the author revealed and described case studies of Communists and Komsomol members' activities in religious organizations in the Soviet Far East in 1945–1950 and discussed the measures taken by party and Komsomol organizations when identifying such practices. The paper showed that Soviet society was not truly atheistic or “godless”. There were believers or adherents of religion even among Soviet and party people. The author attempted to understand the reasons for combining different worldviews by members of the Communist Party of Bolsheviks and the Komsomol in the war and post-war period.

Keywords:

Soviet Far East, Communists, Komsomol members, believers, religion, religious organizations, religious life, Russian Orthodox Church, Judaism, baptism.

В современной российской публицистике, выступлениях церковных иерархов и даже в научных изданиях встречается определение советского периода истории как атеистического, Советского государства – как атеистического или безбожного государства. Такие утверждения не соответствуют исторической действительности: в Советской России и СССР всегда были верующие и религиозные организации. Но политика по отношению к ним менялась. Великая Отечественная война и первые послевоенные годы – это период религиозного возрождения в СССР, которое принимало неожиданные формы.

Рассматривая историю религиозных общин 1945–1950-х гг., нельзя обойти вниманием тот факт, что в числе верующих или сочувствующих им были коммунисты и комсомольцы, т. е. те люди, которые в силу членства в ВКП(б)/КПСС или ВЛКСМ должны были не только быть атеистами, но и бороться с религией и ее проявлениями. На деле нередко получалось обратное: наблюдалось сочувственное отношение к религии, к верующим родственникам и знакомым, участие в религиозных организациях/общинах и отправлении культа.

Факты, свидетельствующие о таких действиях, отмечались по всей стране и для всех направлений религии. На территории советского Дальнего Востока также фиксировались подобные «происшествия». Верующие или сочувствующие религии комсомольцы и коммунисты обнаруживались в православных, баптистских, иудейских общинах.

Источники, в которых отображались эти события, – справки и отчеты уполномоченных по делам Русской православной церкви (далее – РПЦ), уполномоченных по делам религиозных культов, протоколы заседаний и решения местных партийных организаций.

Распространенными были случаи, когда одна семья состояла как из коммунистов, так и из верующих православных (как правило, мужа – члены партии, а жены и тещи – верующие). Обычно это становилось известно уполномоченному и партийным органам при крещении детей в таких «смешанных» семьях. Наиболее известным на Дальнем Востоке в рассматриваемый период стал случай массового крещения детей на железнодорожной станции Унгун в Ленинском районе Еврейской автономной области (далее – ЕАО) Хабаровского края.

Это событие и его причины рассматривались на бюро областного комитета ВКП(б) 14 и 22 февраля 1949 г. и на объединенном пленуме обкома ЕАО и Биробиджанского городского комитета партии 25–26 февраля 1949 г. Областной комитет проводил проверку, в ходе которой выяснилось: в пристанционном поселке Унгун в середине 1948 г. несколько православных верующих стали активно пропагандировать религиозные идеи. «Для распространения религиозных предрассудков они использовали знахарство, методы обмана, запугивания, шантажа. В результате их деятельности некоторые жители станции Унгун и даже отдельные семьи коммунистов начали крестить своих детей, отправляя их для этой цели в хабаровскую церковь» [1, л. 106]. Так, летом 1948 г. окрестили детей трое коммунистов, в том числе П., бывший в то время секретарем парторганизации станции Унгун.

После этого верующие стали более активно призывать крестить детей и проводить другие религиозные обряды, «всячески рекламируя при этом факты крещения детей некоторыми коммунистами» [2]. В поселок был приглашен священник из Хабаровска, который, пробыв в Унгуне с 9 по 11 февраля, крестил 120 детей из поселка и несколько десятков детей из ближайших населенных пунктов. Приняли крещение и дети большинства коммунистов: из 11 членов парторганизации станции 7 крестили детей (в том числе секретарь парторганизации Б. и начальник депо М.), из парторганизации эксплуатационно-дорожного участка крестили детей трое коммунистов. Командир воинской части, расположенной вблизи станции Унгун, майор Н., как отмечено в документах, «активно содействовал церковникам в крещении детей военнослужащих» [3, л. 110].

Бюро обкома отмечало: «Перед лицом этих фактов коммунисты обеих первичных парторганизаций... проявили полнейшую растерянность, не приняли никаких предупредительных мер. Ленинский райком ВКП(б) не реагировал своевременно на известные ему факты активизации церковников, прошел мимо сигналов об антипартийном поведении... о крещении узнал с большим опозданием». «Все эти факты явились прямым результатом запущенности политической и культурной работы и отсутствия научно-просветительной и антирелигиозной пропаганды на станции Унгун. Лекции и доклады на политические и научно-естественные темы здесь не проводятся. Красный уголок станции не оборудован, библиотеки нет, показ кинокартин не организован. Местная интеллигенция не участвует в политико-просветительной работе среди населения. Комсомольская организация работает плохо, молодежь предоставлена самой себе. В школе нет пионерской организации» [4]. По итогам проверки коммунисты партийных организаций станции Унгун получили взыскания, руководители лишились должностей.

Подобные массовые крещения детей в 1948–1949 гг. произошли в поселках Лондоко и Смидовичи ЕАО. В Лондоко священник приезжал в январе 1949 г. по просьбе верующих. В числе окрещенных были и дети местных коммунистов. Райком ВКП(б) разбирает этот случай в конце марта 1949 г., и отдельных коммунистов исключили из партии, а некоторым дали строгие партийные взыскания за то, что их жены крестили детей [5, л. 19].

Для предупреждения подобных событий областным комитетом партии была разработана детальная программа развития культурной жизни пристанционных поселков и окружающих деревень. Но выполнение обширного плана намеченных мероприятий требовало долгой кропотливой работы, значительных материальных затрат, и на деле его выполнение обернулось кампанейщиной. Уполномоченный по делам РПЦ посещал поселок Лондоко и беседовал с жителями. В отчете он привел их иронические высказывания: «Пять лет в наш поселок никто из района не приезжал, а когда это случилось, тогда у нас стали читать лекции, доклады, показывать кинокартины и даже приходил агитпоезд. Продолжалось это две недели, а теперь все заглохло» [6, л. 20].

Еще одним примером поддержки партийцами религиозной общины стала история первых лет биробиджанской иудейской общины. Быстрое становление еврейской религиозной общины в городе Биробиджане (административный центр ЕАО) в 1945–1948 гг. уполномоченный по делам религиозных культов связывал с тем, что верующим оказывают поддержку руководители

советских и партийных органов Еврейской автономной области. В городе в 1944–1945 гг. была создана и зарегистрирована иудейская религиозная организация. Несмотря на острый жилищный кризис, под синагогу отвели отдельное здание и быстро расселили его жильцов.

Сами партийные и советские функционеры не входили в число верующих и не были замечены за отправлением культа, но члены их семей, в основном старшего поколения, создавали религиозную организацию, руководили ею, обустроивали синагогу. В отчетах 1947 г., описывая ситуацию в иудейской общине, уполномоченный В. Колесов отмечал, что ближайшие родственники председателя и заместителя председателя горисполкома, городского прокурора, ответственных работников горкома и обкома ВКП(б), облисполкома входили в руководство биробиджанской иудейской общины, в число инициаторов создания иудейской религиозной организации и открытия синагоги в Биробиджане [7, л. 14]. Даже у партийных функционеров, непосредственно руководивших идеологической работой (например, у заведующего отделом пропаганды и агитации Биробиджанского горкома), родители посещали синагогу [8, л. 54]. По мнению уполномоченного, выделение большого помещения под синагогу, быстрое расселение жильцов из этого здания, а также ремонт и обстановка синагоги новой мебелью не могли быть осуществлены без активной поддержки со стороны руководителей города и области.

Эти факты в 1948–1949 гг. неоднократно становились предметом разбирательств на областном и краевом уровнях. На объединенном пленуме обкома и Биробиджанского горкома 25–26 февраля 1949 г. при рассмотрении вопросов идеологической работы отмечалось: «... обком партии сделал серьезную ошибку, совершенно забросив антирелигиозную пропаганду, хотя сигналы об усилении активности религиозников у обкома были. Обком не сделал для себя выводов даже после того, когда члены семей некоторых наших руководящих работников, в том числе и областных, начали посещать синагогу. Бюро обкома ограничилось тогда внушением этим работникам, но не организовало обсуждение в парторганизациях вопроса об отношении партии к религии, а об антирелигиозной пропаганде среди населения и говорить не приходится, ничего в этом направлении сделано не было» [9, л. 128–129].

На Седьмой областной конференции партийной организации ЕАО 25–26 июля 1949 г. обсуждалось постановление ЦК ВКП(б) «Об ошибках секретаря обкома ВКП(б) ЕАО тов. Бахмутского и председателя облисполкома тов. Левитина». Оба руководителя области подверглись острой критике за неудовлетворительное руководство хозяйственным и культурным строительством. Разделами критики стали полный провал антирелигиозной работы, а также поддержка, оказанная обкомом и облисполкомом иудейской общине. «Известно, что рост влияния церковников на население прямо зависит от постановки антирелигиозной пропаганды. Работа эта стоит в области на довольно низком уровне, и это неудивительно, ибо... могла бы быть убедительной антирелигиозная пропаганда людей типа Б. и В., которые обязаны заниматься этим делом и которые скомпрометированы активным участием в деятельности общин их близкими родственниками» [10, л. 145]. Итогом работы Седьмой областной партконференции стало снятие со всех постов А.Н. Бахмутского, М.Е. Левитина и нескольких других руководителей области. В последующие годы иудейской общине поддержка уже не оказывалась, численность и активность религиозной общины снизились. Многие верующие, в том числе родственники партийных и советских работников, вышли из официального состава иудейской общины.

На протяжении второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. уполномоченные неоднократно выявляли комсомольцев и коммунистов в общинах евангельских христиан-баптистов. Так, в 1947 г. в Хабаровской церкви евангельских христиан-баптистов приняли крещение 12 человек молодежи, из которых двое были комсомольцы из Железнодорожного района города Хабаровска [11, л. 6].

Через два года, в 1949-м, уполномоченный установил, что в Хабаровской общине в числе верующих были учительница Д., член ВКП(б), кандидат в члены партии Б., студент четвертого курса Хабаровского педагогического института и комсомолка Е., студентка третьего курса пединститута. Уполномоченный сообщил об этом в горком партии. По итогам разбирательства, проведенного городским комитетом, верующих партийцев исключили из ВКП(б), а студентов исключили из педагогического института [12, л. 4].

В 1948 г. уполномоченный обнаружил, что община баптистов станции Звеньевой Дальневосточной железной дороги и поселка Георгиевка (Бикинский район Хабаровского края), 40 человек, собиралась на моление в доме У., кандидата в члены ВКП(б). Община существовала с 1946 г. Кроме У., в этой общине состояли еще один член партии Е. и три комсомольца [13, л. 48]. Община не была зарегистрирована и не подавала документы на регистрацию. На вопрос уполномоченного о том, почему верующие не подают документы, руководитель общины объяснил: «Зачем, нам никто не запрещал собираться, к нам ходят члены и кандидаты ВКП(б)» [14, л. 49]. После выявления этого факта срочно организовали собрание местной партийной организации, которое постановило исключить У. и Е. из ВКП(б). Секретарь парторганизации станции вызвал секретаря ВЛКСМ и обязал срочно провести комсомольское собрание и обсудить вопрос о трех комсомольцах.

На заседании бюро обкома КПСС ЕАО отмечалось, что к 1954 г. в Облученском районе области «со стороны активных баптистов усилились попытки по вербовке в свои секты молодежи из числа школьников и даже комсомольцев. Такие факты имеют место в Облучье и на станции Известковая» [15, л. 87]. «В промывочной артели “Новая Заря”, расположенной рядом с райкомом партии, на протяжении четырех месяцев вообще никакой массовой работы не проводится. Не случайно из этой артели втянута в баптистскую секту активная комсомолка тов. Ж.» [16, л. 89].

В сохранившихся документах не раскрываются причины, приводившие коммунистов и комсомольцев в религиозные общины. Единственный случай, подробно описанный уполномоченным, – обращение бывшего комсомольца в баптизм, произошедшее в городе Благовещенске в 1948 г. Молодой человек З. (1930 года рождения), учащийся фельдшерской школы был круглым сиротой (как писал уполномоченный – «безродный человек»), не имея помощи семьи, испытывал серьезные материальные затруднения. Для заработка «он брался за любую физическую работу». Из-за подработок З. трижды опоздал на занятия. Комсомольская организация школы отнеслась к опозданиям очень сурово: «Его как комсомольца обсудили на собрании, не вникнув и не зная причин опоздания на занятия, исключили из комсомола – этим он был сильно обижен, порвал дружбу с комсомольцами, стал хуже учиться, остался одиночкой... этим воспользовалась гр. У., тоже 1930 года рождения, учащаяся в этой же школе, баптистка – она сумела войти в доверие к З.», стала приглашать его в гости, он согласился и начал ходить к У., родители которой были старыми баптистами [17, л. 6]. Постепенно юноша стал посещать молитвенные собрания зарегистрированной общины евангельских христиан-баптистов в Благовещенске и 20 июня 1948 г. принял крещение. Уполномоченный заключал: «Эта история показывает, что некоторые наши комсомольские организации не только не изучают человека и как живут, а также чем занимают свой досуг комсомольцы, но иногда просто отталкивают от себя членов своего коллектива, из которых слабовольные попадают впоследствии в лапы сектантов» [18].

Достаточно распространенным явлением было сочетание в одной семье разных мировоззрений: у членов ВКП(б)/КПСС были родственники-баптисты. Из года в год об этом сообщал в отчетах и справках уполномоченный по делам религиозных культов по Хабаровскому краю.

Например, у Ф.Т. Кутикова, руководителя зарегистрированной общины евангельских христиан-баптистов в поселке Бичевая (Хабаровский край) зять был членом КПСС, возглавлял леспромхоз в Ульчском районе края [19, л. 8]. Уполномоченный отмечал, что такие ситуации стали обыденностью: «Партийные организации как сел Бичевская, Переяславка, так и Вяземского свыклись с этим злом, никто не обращает внимания на такую семейственность, никто не ведет разъяснительной пропаганды» [20, л. 10]. Даже секретарем-машинисткой в Вяземском райкоме партии работала последовательница баптизма. В подготовленной для Хабаровского краевого комитета КПСС «Справке о религиозном движении и деятельности общин, групп верующих в евангельских христиан-баптистов в селах Бичевская, Полетная, Переяславка и в городе Вяземском» от 19 декабря 1953 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов С. Карев обращал внимание партийных органов, что в этих районах во многих семьях верующих один из супругов или дети – члены КПСС [21, л. 271].

Сочувственное отношение коммунистов к религиозным взглядам своих ближайших родственников отмечалось в послевоенные годы по всему Дальнему Востоку. В 1948 г. в церкви города Ворошилова Приморского края крестили детей из семей военнослужащих расположенной на станции Гродеково части. Военнослужащие были членами ВКП(б), и крещение детей стало предметом разбирательства политотдела части [22, л. 1].

15 октября 1953 г., рассматривая состояние идеологической работы в колхозе им. Сталина Ленинского района ЕАО, бюро обкома отмечало: «О низком уровне политического воспитания коммунистов говорит тот факт, что у ряда коммунистов как тт. [перечислены три фамилии] дома имеются иконы» [23, л. 11].

11 августа 1954 г. на заседании бюро Амурского обкома КПСС признавалось: «Имеют место факты отправления религиозных обрядов коммунистами и комсомольцами...» [24, л. 13]. В Сахалинской области в 1954 г. также отмечалось участие комсомольцев в совершении религиозных обрядов, но конкретные примеры в документах не приведены [25, л. 69].

В среде коренных малочисленных народов советского Дальнего Востока следование традиционным верованиям сочеталось с членством в партии. В документах Хабаровского крайкома ВКП(б) упоминаются случаи, когда в 1940-е гг. к шаманству прибегали «отдельные члены и кандидаты партии... бывшие фронтовики и комсомольцы» из числа коренных жителей национальных районов, например в селе Дада Нанайского района Хабаровского края [26, л. 8].

Отмечались факты исполнения шаманских обрядов коммунистами, комсомольцами и представителями местной власти из числа аборигенов. Такие действия приурочивались к советским праздникам и проводились в общественных местах. «Так, председатель Ичуньского сельсовета,

Чаунского района, Чукотского округа, коммунист Р. 6 ноября 1946 г. шаманил среди собравшихся на праздник колхозников. Во время шаманства он заявил: «Я зарежу сам себя и вновь вызову своего бога; если он придет, то кровь из меня не польется». Он тут же вытащил нож и сильно порезал сам себя, после чего с тяжелыми ранами был доставлен в больницу» [27, л. 9]. Традиционные верования дальневосточных аборигенов, не искорененные до 1917 г. православием, в советский период истории адаптировались к коммунистической идеологии и советским праздникам.

На протяжении всего послевоенного десятилетия на Дальнем Востоке в среде верующих обнаруживались коммунисты и комсомольцы. Обращение к религии тех, кто должен был ей противостоять, не было массовым – верующих членов КПСС и ВЛКСМ насчитывалось немного. За единственным исключением сохранившиеся документальные источники не позволяют анализировать причины этого обращения к религии, побудительные мотивы, приводившие формальных атеистов в церковь и позволявшие сочетать материалистическое мировоззрение с идеалистическим. Предполагаем следующее:

– причины обращения к религии или сочувствующего отношения к верующим состояли в растерянности многих коммунистов от резкого поворота в государственной политике по отношению к религии в период Великой Отечественной войны. Религиозные организации, и прежде всего Русская православная церковь, заняли в 1941–1944 гг. новое место в обществе и государстве [28]. Политический поворот в отношении религии и религиозных организаций был быстрым. Исследователи отмечают, что была «путаница в головах местных кадров относительно степени дозволенной религиозной терпимости» [29, с. 205]. Спектр мнений у членов ВКП(б) и ВЛКСМ распространялся от совершенного неприятия нового курса государственно-конфессиональных отношений до истолкования его в том смысле, что «теперь можно коммунистам ходить в церковь, молиться Богу, крестить детей и венчаться» [30, с. 107];

– причина сочувственного отношения к религии заключается в том, что многие коммунисты, пришедшие в партию в военные годы, не имели должного уровня мировоззренческой и идеологической подготовки. В годы Великой Отечественной войны происходил быстрый рост рядов партии: в 1945 г. коммунистов и кандидатов партии было почти на 2 млн больше, чем в 1941 г., и это учитывая военные потери. Вступление во время Великой Отечественной войны в ряды ВКП(б) или ВЛКСМ можно рассматривать не только как политический шаг, но и как патриотический поступок. Как отмечали исследователи, «такой быстрый рост рядов партии привел к некоторому снижению политической сознательности определенной части коммунистов, особенно вновь вступивших в ВКП(б). Создалось известное несоответствие между количественным ростом и уровнем политического просвещения коммунистов» [31, с. 44]. Одновременно за годы войны повысилась религиозность советских граждан.

Во всех выявленных случаях со стороны партийных и комсомольских организаций следовала однозначная реакция: верующие коммунисты и комсомольцы исключались из этих организаций. Остается неизвестным, оставались ли эти люди верующими после сдачи партийных и комсомольских билетов.

Значительно бóльшим, чем количество обращенных коммунистов и комсомольцев, было количество членов ВКП(б) и ВЛКСМ, сочувственно относившихся к религиозным взглядам родственников. Это распространенное явление было сложнее обнаружить, а бороться с ним было практически невозможно. Взыскания по партийной линии, безусловно, давали временный эффект, но вряд ли могли привести к изменению взглядов родственников коммунистов, скорее способствовали дальнейшему сокрытию религиозных взглядов и продолжению тайного отправления культа.

Ссылки:

1. ГАЕАО (Гос. арх. Евр. автоном. обл.). Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 438. Л. 6.
2. Там же.
3. Там же. Л. 110.
4. Там же.
5. ГАХК (Гос. арх. Хабар. края). Ф. Р-1359. Оп. 2. Д. 9. Л. 19.
6. Там же. Л. 20.
7. ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 1. Л. 14.
8. ГАЕАО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 434. Л. 54.
9. Там же. Л. 128–129.
10. ГАЕАО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 434. Л. 145.
11. ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 4. Л. 6.
12. Там же. Д. 5. Л. 4.
13. Там же. Д. 4. Л. 48.
14. Там же. Л. 49.
15. ГАЕАО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 280. Л. 87.
16. ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 2. Л. 89.
17. Там же. Л. 6.

18. Там же.
19. ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 12. Л. 8.
20. Там же. Л. 10.
21. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 41. Д. 25. Л. 271.
22. ГАПК (Гос. арх. Прим. края). Ф. 1578. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.
23. ГАЕАО. Ф. 1-П. Оп. 4. Д. 280. Л. 11.
24. ГААО (Гос. арх. Амур. обл.). Ф. П-1. Оп. 15. Д. 370. Л. 13.
25. ГАСО (Гос. арх. Сахал. обл.). Ф. 219. Оп. 3. Д. 5. Л. 69.
26. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19. Д. 9. Л. 8.
27. Там же. Л. 9.
28. Якунин В.Н. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны: внутреннее устройство, положение, деятельность // Макарьевские чтения : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2016. С. 233–242.
29. Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945 / пер. с англ. В. Артемова. М., 2010. 455 с.
30. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. 230 с.
31. Аршинский В.З. Работа партийных организаций Восточной Сибири по перестройке идейного уровня политического просвещения в послевоенный период (1946–1950 гг.) // Партийные организации Восточной Сибири в борьбе за построение социализма и коммунизма : тр. Иркут. гос. ун-та. Т. 76, № 3. Иркутск, 1970. С. 41–56.

References:

- Arshinsky, VZ 1970, 'The party organizations' activities in Eastern Siberia to restructure the ideological level of political education in the post-war period (1946-1950)', *Partynyye organizatsii Vostochnoy Sibiri v bor'be za postroyeniye sotsializma i kommunizma: tr. Irkut. gos. un-ta*, vol. 76, no. 3, Irkutsk, pp. 41-56, (in Russian).
- Miner, SM & Artemov, V (transl.) 2010, *Stalin's holy war. Religion, nationalism, and alliance politics. 1941-1945*, Moscow, 455 p., (in Russian).
- Yakunin, VN 2016, 'Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War: internal structure, status, activity', *Makar'yevskiye chteniya: materialy XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Gorno-Altaysk, pp. 233-242, (in Russian).
- Zubkova, EYu 1999, *Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945-1953*, Moscow, 230 p., (in Russian).